

RU

Изображение окружающего мира, увиденного детскими глазами,
в «весенних отрывках» Ф. И. Чудакова «Филик на даче»

Лаптева Н. А.

Аннотация. Цель исследования - определить способы изображения мира в «весенних отрывках» «Филик на даче» Ф. И. Чудакова (1888-1918). Научная новизна обусловлена тем, что анализ цикла миниатюр Ф. И. Чудакова в указанном аспекте предпринят впервые. В статье исследуются особенности изображения внутреннего мира главного героя и средства создания образов внешнего мира, что позволяет прояснить идейный замысел писателя. Полученные результаты показали, что автор реализует замысел, изображая процесс «открытия» мира ребёнком: внешние события оказывают влияние на становление внутреннего мира маленького героя, на формирование его личностных качеств. Образы природы создаются с помощью детализации, олицетворения, приёма остранения. Основными средствами создания образа главного героя являются прямая и несобственно-прямая речь; изображение внутреннего состояния через внешние его проявления (жесты, мимика).

EN

Image of the World Seen by a Child
in F. I. Chudakov's "Spring Extracts" "Philik at the Dacha"

Lapteva N. A.

Abstract. The paper aims to identify the ways to picture the world in F. I. Chudakov's (1888-1918) "spring extracts" "Philik at the Dacha". The scientific originality of the research is determined by the fact that it analyzes F. I. Chudakov's cycle of miniatures in this aspect for the first time. The article studies the features of the representation of the main character's inner world and the means of creating the images of the outside world which allows clarifying the writer's idea. The results of the research have shown that the writer implements his idea by picturing the process of "discovering" the world by a child: the external events influence the development of the little character's inner world, the formation of his personal qualities. The images of nature are created with the help of detailing, personification, defamiliarization. The main means to create the main character's image include direct and improperly direct speech; picturing the inner state through its external manifestations (gestures, mimics).

Введение

Творчество Ф. И. Чудакова представляет собой разнообразие в идейно-тематическом и жанровом планах. Наряду с основной жанрово-видовой формой – фельетонами – у него есть глубоко личные, проникновенные лирические стихотворения. Вместе с драматической по господствующему пафосу автобиографической прозой о жизни политических заключённых есть произведения, посвящённые миру природы. С особой стороны раскрывается Ф. И. Чудаков-писатель в содержательно и интонационно светлом цикле миниатюр «Филик на даче», который был опубликован в газете «Амурское эхо» в 1916 году (№ 545) за подписью *Фёдор Ч.*

Актуальность исследования обусловлена необходимостью осмысления места творческого наследия Ф. И. Чудакова в контексте истории литературы. Эта потребность возникла в связи с тем, что после практически столетнего забвения имя автора было возвращено широкому кругу читателей благодаря выходу в свет в авторитетном московском издательстве в 2019 году двухтомного издания произведений Фёдора Ивановича Чудакова. В нём представлены разнообразные по жанровым формам и идейному содержанию произведения, которые заключают в себе особый в содержательном и ценностном отношении опыт писателя. Чтобы постичь авторскую концепцию человека, необходим анализ ключевых элементов поэтики рассказа: композиции, образной системы и художественных средств, используемых для её создания. Также исследование

творческого наследия Ф. И. Чудакова помогает расширить представление о литературном процессе Серебряного века, в том числе выявить связь регионального культурного кода с общероссийским.

В ходе исследования решались следующие задачи: выявление жанрового и композиционного своеобразия рассказа; определение особенностей образа главного героя, в частности способов его взаимодействия с внешним миром; в результате этого уточнение идейного замысла произведения. Для проведения исследования используются следующие методы: структурно-семантический, метод целостного анализа текста; осуществляется и междисциплинарный подход: анализируются выразительные средства языка, используемые для создания образов.

Теоретической базой исследования послужили литературоведческие труды отечественных учёных: Л. Я. Гинзбург (1979), Е. С. Добиная (1981), В. Б. Шкловского (1929), в которых рассматриваются различные аспекты анализа художественного произведения. Также значимыми стали исследования А. В. Урманова, проведённые при подготовке издания творческого наследия Ф. И. Чудакова.

Практическая значимость анализа состоит в том, что литературоведческие комментарии могут быть использованы как дополнительные материалы к курсам по русской литературе начала XX века, спецкурсам по истории литературы Приамурья. Также полученные выводы могут применяться в работе по литературному краеведению в школьном образовании.

Основная часть

Тема детства затрагивалась Ф. И. Чудаковым в некоторых автобиографических произведениях: в незаконченной повести «Из детства Ивана Грязнова» (1918), в стихотворении «Сны» (1913). В них личность автора раскрывается через автобиографического героя с разных сторон. Главный герой повести – порывистый и своенравный мальчик, который своими шалостями и проказами выводит «устойчивый мир из равновесия» (Урманов, 2019, с. 16). С иной стороны открывается личность автора в ностальгическом стихотворении «Сны», где детство вспоминается как идиллический мир, когда душа была чиста и светла. Настоящее же приносит горькое разочарование и крушение надежд, поэтому так остро в стихотворении ощущается тоска по детскому «утраченному раю».

В «весенних отрывках» писатель предстаёт в качестве знатока психологии ребёнка. Чтобы «перевоплотиться» и посмотреть на мир детскими глазами, нужны способность проникнуться мировосприятием ребёнка, особая фантазия, внимание к деталям, стилистическая пластичность. Ф. И. Чудакову удалось передать специфику детского взгляда: видеть необычное в обычном. «Детство обладает своей оптикой мировидения, радужно-калейдоскопичный ряд которого создается посредством бессознательных импульсов, воображения, ярких вспышек эмоций, непосредственности, алогичности» (Яковлева, 2016). Дети в произведении – персонажи, наделённые индивидуальными чертами, интересами. Читатель как бы является свидетелем «становления» личности ребёнка, который ещё во многом беспомощен, но уже постигает важные жизненные уроки.

Главный герой «весенних отрывков» – трёхлетний Филик, и всё произведение посвящено разнообразным событиям всего лишь одного дня его жизни. За это время герой успевает многое узнать, испытывает полярные эмоции, совершает открытия. В раннем детстве «и природа, и люди, и вещи – всё, всё привлекает и манит к себе дитя, всё восхищает его, пробуждает в нём эмоциональный резонанс, наполняет радостными переживаниями. Дитя как бы ищет этих переживаний, стремится ко всему прикоснуться, схватить “смысл” всего» (Зеньковский, 1995). Отсюда избранный автором особенный жанр – «весенние отрывки». Это зарисовки, которые, как элементы мозаики, складываются в общий узор, изображая картину мира, увиденную глазами ребёнка. Через постижение особенностей детского сознания читатель открывает то, что в обыденной жизни было для него привычным или как бы невидимым вовсе. Чтобы создать впечатление открытия мира заново, Ф. И. Чудаков использует различные средства.

Название «Филик на даче» отсылает к другому, классическому произведению о жизни ребёнка – «Петька на даче» (1899) Л. Н. Андреева. Рассказ о беспросветной жизни в учениках парикмахера, лишь на несколько дней оттенённой пребыванием на даче, вызывает щемящую тоску и боль за судьбу несчастного ребёнка.

Цикл миниатюр же Ф. И. Чудакова обладает иной тональностью. Светлыми чувствами доброты и любви проникнуто всё повествование. В заглавии использован антропоним в уменьшительной форме – ласковое именование героя в семье – Филик. В Словаре русских личных имён (Петровский, 1980) такая единица не встречается; самая близкая – Филя – употребляется как дериват нескольких мужских имён: Филипп, Филимон и др. Этимология многих из них восходит к греческому глаголу «любить». Именуя так своего героя на протяжении всего повествования, писатель воплощает особую отеческую нежность к маленькому человеку, которому ещё только предстоит познакомиться с огромным миром.

Особым смыслом наполнена композиция цикла: каждое событие дня – это вклад в развитие познавательной и эмоциональной сфер ребёнка. В связи с этим немаловажную роль играют названия каждого «отрывка»: «Голышмятина», «Схватка с коровой», «Полкан в опасности», «Сломанный месяц», «Трудная буква». Слова, объединённые семей «чрезмерность» (схватка, опасность, трудный), предполагают описание серьёзных преодолений, борьбы и испытаний. Так гиперболизированно в представлении малыша выглядят его приключения: они не могут быть несерьёзными, ведь многое происходит впервые и поэтому имеет особую важность. О том, что повествование посвящено ребёнку, говорит окказиональное существительное в заглавии первого «отрывка». Детям свойственно словотворчество, тем более возраст Филика – время активного познания мира и пополнения

словарного запаса. Читатель догадывается о значении: *голый*, *голышом* < *голышмятина*. Суффикс *-ятин(а)* образует эмоционально окрашенное существительное с собирательным значением. Ф. И. Чудаков образно объясняет это слово так: «Скрипит дверь, и на улицу выходит Филик. Он сегодня – нагишом. Принимает солнечную ванну. Солнышко запекло его, как сдобный пирожок, и весь он, с головы до ног, бронзовый» (Чудаков, 2019, с. 107).

О родителях Филика никаких подробностей нет – это были бы ненужные сведения, так как рассказ посвящён миру ребёнка, где взрослые – это просто мама и папа, к которым именно так обращаются дети. Единственное, о чём можно судить, – положение семьи. Только в самом последнем «отрывке», когда Филик наконец-то возвращается домой, писатель говорит о занятиях родителей: «Мама что-то читает, папа начинает писать» (Чудаков, 2019, с. 111), вернувшись домой с рыбалки.

Рисуя образ Филика, Ф. И. Чудаков в качестве основного средства характеристики избирает речь героя. «Она выступает в качестве посредника между ним и объектами его желаний; становится как препятствием, так и средством, способствующим достижению целей» (Попкова, 2016). Маленький человек, который находится на стадии активного познания мира, пытается утверждать свои, пусть и не масштабные, ценности, воплощая их в слове, так происходит процесс самоутверждения. «Произносимое слово в этом плане – одно из самых сильных средств. Речевые высказывания, порожденные самыми разными мотивами, возникшими на самых разных социальных и психических уровнях, пронизаны напряжением борьбы, которую ведет человек за свое место в жизни, за свои интересы и свои идеалы» (Гинзбург, 1979, с. 163). Так как в центре повествования находится ещё не до конца сформировавшаяся личность, произносимые ею слова тоже не совсем совершенны.

В первую очередь обыгрывается артикуляционная особенность мальчика: Филик в силу малого возраста не выговаривает звуки [р]/[р']. Это демонстрируется автором во всех репликах героя: «тли» (три), «болодавки» (бородавки), «колова» (корова), «нехолошие» (нехорошие), «лубашка» (рубашка), «отстлигать» (отстригать), «сплоси» (спроси), «сколее» (скорее), «жалко» (жарко) и др. Данная особенность Филика – центр внимания в последней миниатюре «Трудная буква». Также можно отметить в речи маленького героя ошибочные грамматические формы, воспроизведённые именно через призму детского мышления, вероятно, по аналогии с уже известными словами: «лягушков», «цыплёнков», «мышонков», «ножницев», «телёнки», «укусют», «ходят», «укусают», «стлигать» (стричь). Для эмоционального строя речи героя характерны неполные конструкции, обилие восклицательных и вопросительных предложений. Описывая события, наблюдаемые мальчиком, автор использует звукоподражания, характерные для детской речи; они определяют основное свойство предмета, как бы помещая его в один звук. Хам – «и готово, весь хлеб Полкану в рот угодил» (Чудаков, 2019, с. 107); Мррр... – «выгибает спину и ворчит» кошка; Дзинь! – «раздаётся звук разбитого стекла» (Чудаков, 2019, с. 108); Хлип... хлип... – плачет Филик от обиды за испорченную коровой «мышонкову могилку» (Чудаков, 2019, с. 109).

Полный звуков, красок, живых существ и интересных вещей мир не может не привлечь внимание Филика, заставляет по-разному реагировать на свои проявления, а иногда и принимать серьёзные решения. Итак, приключения начинаются с распахнутой утром двери и появления на пороге «голышмятины» с куском хлеба. Конечно, мальчишка, вышедший во двор, не стал бы долго его осматривать, а сразу ринулся бы всё потрогать, рассмотреть, послушать и попробовать. Поэтому появлению главного героя предшествует описание обстановки. Складывается впечатление, что автор оглядывается по сторонам, подмечая детали мира так, как это сделал бы малыш. «Степень детализации изображения, в особенности внешнего мира, может быть мотивирована в тексте “местом... с которого ведётся повествование”» (Чернец, 2004, с. 46). Добываясь максимального детского видения, Ф. И. Чудаков использует олицетворение: природа наделяется свойствами человека, совершает те действия, которые понятны ребёнку и доступны его разумению. «Характер олицетворения является довольно тонким индикатором жизнеспособности» (Роднянская, 1968).

«Солнышко уже успело натопить улицу тепло-претепло, а ветер ушёл спать на речку, туда, где сосны. Покачался немножко на качелях под яблоней и ушёл. Качелям теперь ску-у-чно!» (Чудаков, 2019, с. 107).

Слова, в которых эмоционально-экспрессивная окрашенность воплощена с помощью аффиксов (*солнышко*, *немножко*, *тепло-претепло*), делают описание более индивидуализированным, наполненным ощущениями «зрителя». Погода солнечная, тёплая, улица будто натоплена печью, нет ветерка – не слышно скрипа качелей – им «ску-у-чно». Особое графическое оформление этого слова переводит авторскую речь в несобственно-прямую: так может протянуть ребёнок, когда заскучает. И чтобы эту скуку развеять, автор обращает взгляд внутрь двора, на его обитателей, у которых течёт своя размеренная жизнь.

В животном царстве всё устроено по человеческому закону: есть родители, которые заботятся о своих детках. Курица, спрашивающая у цыплят азбуку, их папа-петушок, убежавший ловить кузнечика. Под забором отлёживается бока свинья, и поросята берут с неё пример. Есть и всеобщий защитник Полкан, у которого имеются неприятели – другие собаки и волки, требующие ночного бдения. Картина овеяна спокойствием и дремотой, здесь тоже «ску-у-чно». Тишину нарушает прилетевший воробей – маленький трусишка, испугавшийся закачавшихся качелей, которые, как живые, обрадовались движению.

Показав миролюбивую и безопасную обстановку, автор выводит в это пространство героев, двух братьев – Филика и старшего Шурку. Первым делом утром нужно умыться, и герои направляются к реке, позвав с собой верного друга – Полкана. Хотя пса больше привлекает лакомый кусок хлеба с маслом, который он хочет попросить. Но, предупреждаемый строгой фразой Филика «Полкан, нельзя!», пёс отступает.

Дальнейшие события будут развиваться молниеносно и вызовут у Филика бурю эмоций. Не углубляясь во внутренние переживания, писатель при этом очень точно изображает меняющееся состояние маленького

мальчика, подмечая внешние проявления чувств. «Власть момента над детской душой вообще чрезвычайно типична, но с особой силой это выступает как раз в раннем детстве. Дети не знают продолжительных радостей или горестей, но зато отдаются им всей полнотой своего существа» (Зеньковский, 1995).

Сначала завязался разговор с братом насчёт того, боится ли он «лягушков». Шурка сообщает, что «они мягкие», «от них бородавки бывают». Филик всё это время несёт хлеб с маслом в высоко поднятой ручке – подальше от Полкана. А теперь, желая похвастаться тем, что у него «тли болодавки», он «показывает руку, и прямо Полкану в рот». Эта оплошность вызывает огорчение, обиду буквально до слёз: «Филик в недоумении: заплакать или нет» (Чудаков, 2019, с. 107). Конечно, это не выбор в прямом смысле, это детская растерянность, обида не на собственную нерасторопность, а на коварство пса. Ещё несколько мгновений – и малыш расплакался бы от несправедливости.

Но в это время наступает момент, когда нужно спасать чужую жизнь: «кошка за цыплагом крадётся». И теперь весь гнев, на какой только способно детское сердечко, обрушивается на кошку. «Шурка делает свирепые глаза и вихрем бросается по улице», «Филик, оценив всю важность момента, бросается за ним». Негодует и Полкан – ярый противник всех кошек, он загоняет кошку на крышу; а там её пытается достать запущенным камнем Шурка, но тщетно. Филик, охваченный задором погони, приплясывает от возбуждения, кричит «Полкану», чтобы он кусал преступницу, а сам тоже «торопливо ищет камень» (Чудаков, 2019, с. 108).

Эта затея оказалась неудачной: камень, брошенный в кошку, летит в оконное стекло. Далее раздаётся испуганный голос мамы: «Филик?»; она пока ещё не знает, что случилось, поэтому главное переживание испытывает именно за ребёнка. Мальчику придётся объяснить, что произошло, но он не боится наказания, потому что считает свой поступок актом возмездия кошке-вредительнице: «Да, а зачем она цыплёнок наших ловит». Передавая внутреннее состояние ребёнка, в котором в данную критическую минуту буквально кипят эмоции, писатель говорит об их внешнем проявлении: «...опустив глаза, дрожащими губами лепечет Филик» (Чудаков, 2019, с. 108). Опущенный взгляд говорит об испытываемом стыде: всё-таки разбито окно, хоть и не специально. Кажется, малыш едва сдерживает слёзы, но не от страха перед мамой, а от раздирающей сердце жалости к беззащитным цыплятам, от несостоявшегося наказания кошки, от собственной беспомощности. Отсюда и шёпот маленького человека, для которого случившееся – определённый урок: иногда зло не получает по заслугам, однако при этом добрые побуждения всегда спасительны. Вероятно, мама Филика поступила мудро, выслушав объяснения ребёнка, – никакие «воспитательные меры» в отношении мальчика не были приняты: благородство порыва куда более ценно, чем разбитое стекло.

Следующий «весенний отрывок» также посвящён борьбе за справедливость, только обидчиком выступает животное покрупнее – корова, с которой героям придётся «вступить в схватку». В этой главе писатель показывает, как в детском восприятии отображается понятие о смерти. «Шурка нашёлдохлого мышонка». Первый порыв – оставить его себе в качестве «сокровища», чтобы показывать другим мальчишкам. Однако «Филик и Полкан тоже заявили свои права на находку», а это вызвало большой спор, последствия которого могли выйти из-под контроля и дойти до мамы. Самый старший в компании, будучи и самым смыслёным, «сообразил, что мама, пожалуй, захочет взять такую ценную вещь себе, и предложил похоронить мышонка под качелями» (Чудаков, 2019, с. 108). Эта идея Шурки споров не вызвала.

Дети во многом следуют настоящему ритуалу: «...наскоро вырыли могилу, положили в неё покойника и насыпали из песка холмик» (Чудаков, 2019, с. 108). Описывая действия героев, Ф. И. Чудаков использует слова одного тематического ряда: могила, а не ямка; покойник, а не мышонок; холмик; далее дети именуются могильщиками. «Смысл и сила детали в том, что в бесконечно малое вмещено целое» (Добин, 1981, с. 303). Так подчёркивается серьёзность происходящего: для детей процесс не является игрой, они ответственно подходят к делу, вероятно, уже столкнувшись с похоронами в мире взрослых. Филик предлагает посадить на могиле «цветочков», Шурка соглашается и говорит о том, что их нужно будет ещё поливать, чтобы не засохли. Дети занимаются благоустройством захоронения: «Яблоне пришлось расстаться с целым пучком кудрявых веток. Над могилой мышонка устроена была целая аллея. Случайно попавший под руки отбитый носок от фарфорового чайника тоже пошёл в дело: по предложению Шурки он был положен на могиле» (Чудаков, 2019, с. 108). Так, в соответствии с ритуальностью, появляются и цветы, и надгробие.

Дети перенимают лишь внешние атрибуты процесса: безусловно, в происходящем присутствует элемент игры. Однако через неё мальчики как бы примеряют на себя взрослые роли, учатся в них существовать. Чтобы ветки не засохли, их нужно полить, поэтому братья отправляются за водой, как бы понимая и принимая ответственность, которая легла на их плечи. В дороге беседуя о насущном – о мышах; о том, как их много на заимке, даже больше, чем известное уже Филику число: «Двенадцать будет?». Естественно, старший Шурка хвастает, что, в отличие от Филика, не боится ни маленьких, ни больших «мышонков», для усиления производимого эффекта даже показывает их размер. Филик не на шутку пугается: а если мыши такого размера «укусют» или придут ночью? Но храбрый Шурка успокаивает: «А я их палкой! <...> Раз – они и убежат!» (Чудаков, 2019, с. 108).

Однако Ф. И. Чудаков так разворачивает сюжетную линию, что внешнее действие отразится на внутренних изменениях маленького Филика, как это было и в первом «отрывке». Происходящие события снова потребуют сделать определённый нравственный выбор, проявив человеческие качества. Обидчиком, сама того не подозревая, становится корова, которая набрела на «кладбище» и замела «огромным языком... весь цветник себе в рот» (Чудаков, 2019, с. 108). Шурка «отчаянно орёт» и бросает в животное своё ведёрко – консервную банку, затем начинает погоню: «...яростно преследует корову, гонит её под берег, обрывается, летит вниз сажени

на две на животе, но вскакивает, быстро подтягивает штанишки и летит дальше» (Чудаков, 2019, с. 109). Обилие глаголов создаёт динамику, действия быстро сменяют друг друга, чувствуется праведный гнев мальчишки, который и заставляет его продолжать погоню, даже несмотря на падение. Но писатель с присущим ему тонким юмором снижает накал, используя слово с уменьшительно-ласкательным суффиксом и как бы возвращая действие в плоскость детского видения. Шурка, проехавший на животе сажени две, «подтягивает штанишки» и продолжает лететь дальше, только теперь глагол «летит» приобретает смысл «стремительно и быстро бежит».

Реакция Филика изображена несколько иначе, психологическое состояние ребёнка писатель показывает через внешние проявления эмоций: «Филик, весь покраснев от горя, запускает в корову камнем, потом бессильно опускается на землю и плачет»; «Филик с волнением следит за погоней, а слёзы всё льются и льются» (Чудаков, 2019, с. 109). Внутреннее напряжение проступает через абсолютно естественное для ребёнка состояние плача: по-другому выразить эмоции он пока просто не может. Краснеет, безуспешно бросает камень – жест отчаяния, и от бессилия плачет. Наблюдая погоню старшего брата за коровой, Филик ещё надеется, что справедливость восторжествует, тем более в погоне участвует всеобщий защитник Полкан. Но слёзы предательски «льются и льются» – слишком сильное душевное потрясение у маленького человека, слишком яркое. Нарушен снова баланс между добром и злом: такое трепетное отношение к умершему мышонку, маленькому и несчастному, – и такое варварское поведение ничего не понимающей коровы. В масштабе мира ребёнка это происшествие становится трагедией.

Спасителем выступает мама, которая вновь появляется в кульминационный момент. И даже не сама мама, а лишь её голос, как будто закадровый: «Филик, ты что?» (Чудаков, 2019, с. 108) Безутешный плач ребёнка, конечно, слышен в доме, и, отвлекаясь от всех своих дел, мама спешит помочь малышу, успокоить его. Филик, всхлипывая, сбивчиво, в четырёх словах рассказывает о причине: «колова» съела «мышонкову могилку». Сколько нежности и одновременно боли закладывается в смысл словосочетания «мышонкова могилка» благодаря использованию по-детски неверно образованной формы и уменьшительно-ласкательного суффикса. Понимая, как остро сын переживает произошедшее; осознавая, как важен для него этот урок сострадания, мама предлагает сделать другую могилку: «Ну ничего, мы новую сделаем» (Чудаков, 2019, с. 109). Местоимение «мы», как бы объединяющее взрослого и ребёнка, должно дать надежду Филику, что в этот раз всё разрешится благополучно, а значит можно успокоиться. Отвлекая окончательно сына от переживаний, мама зовёт его обедать.

В разных заботах незаметно пролетает день. Действие последних «отрывков» происходит уже дома, пространство сужается до одной комнаты, а в качестве новых действующих лиц выступают родители Филика. Мальчик ни за что не хочет ложиться спать – ждёт отца с рыбалки. Вероятно, отец расскажет много историй или покажет что-нибудь удивительное, в любом случае день завершится чем-то интересным, ведь взрослый мир таит в себе ещё так много загадок. Но после вечернего чая отец задаёт серьёзный вопрос: «Ну, Филик, читать учился?» Что может ответить ребёнок, у которого за день было столько приключений – и среди них совсем не нашлось времени на взрослые дела? Конечно, сошлётся на спасительное «завтра». Отец с пониманием относится к этому обещанию, к тому же мама встаёт на защиту малыша: «Он у нас ещё маленький». Филик поддакивает маме, хитро повторяя за ней: «Конечно маленький» (Чудаков, 2019, с. 110).

После непродолжительного молчания мальчик обнаруживает что-то интересное за окном и, полный возбуждения, кричит папе: «Папа! Смотри, смотри!» (Чудаков, 2019, с. 110). Ничего необычного папа не видит: наступила ночь, и на небе появился месяц. Однако эта картина привлекает внимание ребёнка. Чтобы создать эффект «открытия» мира, писатель использует приём остранения, основанный на идее воскрешения слова (термин В. Б. Шкловского) (Шкловский, 1929). Цель приёма – «вызвать у читателя видение предмета, а не автоматическое узнавание его» (Леонтьев, 1968). Мальчик, стремясь объяснить явления окружающей действительности, толкует их через уже понятные вещи. И это заставляет взрослых как бы включиться в игру с сыном, посмотреть на привычное под другим углом. На вопрос папы: «Что же месяц?», – Филик отвечает, что он сломанный – «только одна половинка!» Естественно, что детское мышление соотносит это с поступками человека: кто-то непременно виноват в этой поломке. И мальчик спрашивает, «кто месяцы ломает». Вопрос открывает для родителей возможность не столько объяснить сущность явления, сколько произвести воспитательный эффект: ломают месяцы, скорее всего, озорные ребяташки, есть такие, «Шурка, может быть». Но Филик знает, что Шурка на такое не способен, «свои» никогда не поступают плохо, поэтому застывает за брата, припоминая, вероятно, соседского хулигана: «Нет, папочка, Шулька не будет ломать месяцев! Это Титов Федюшка!» Недоумевая, зачем озорники ломают месяцы, малыш понимает, что такое поведение недостойно, и даёт категорическое обещание: «Я никогда не буду их ломать». К этому осознанию и должен был привести поучительный разговор с родителями. Однако Филик не просто не желает быть озорником, его сердечко наполняется человеческим состраданием даже к неживому и такому далёкому месяцу. «Им больно?» (Чудаков, 2019, с. 110) – спрашивает малыш и, получив утвердительный ответ, скорее всего, надолго задумывается о том, как важно беречь мир вокруг. Выступая весь день защитником, Филик хорошо усвоил главное: нужно заботиться о тех, кто слаб, и помогать тем, кто несамостоятелен.

Таких дней, полных важных нравственных уроков, в жизни мальчика будет ещё очень много, ведь он находится в самом начале пути. Этот путь не будет лёгким, на нём встретятся разные препятствия, разные люди, придётся делать выбор, отстаивать свои принципы. Неизвестно, как сложится судьба Филика. Однако важные качества личности закладываются в нём уже с детства. Именно этот процесс Ф. И. Чудаков изобразил в «весенних отрывках». Взаимодействуя с окружающим миром, Филик учится отличать доброе от злого,

проявляет заботу и сострадание, заступает за слабых, стремится помочь ближнему, демонстрирует упорство и настойчивость, ведёт себя искренне и честно.

Заключение

Показывая глазами ребёнка мир, ещё не искажённый, практически «первозданный», писатель использует различные средства. Жизнь природы уподобляется человеческой благодаря олицетворению; неизведанное и новое для малыша объясняется при помощи приёма остранения, который открывает иную точку зрения. Увеличивая степень детализации изображения внешнего мира, писатель обращает внимание на то, как элементы этого мира отражаются в сознании ребёнка, какое эмоциональное воздействие оказывают. Авторская речь часто переходит в несобственно-прямую за счёт употребления эмоционально-окрашенных лексических единиц, специфического графического облика некоторых слов. Средством изображения детского восприятия мира также становится речь главного героя, в которой представлены языковые особенности различных уровней: фонетические, словообразовательные, лексические, грамматические.

На фоне других прозаических произведений автора, посвящённых острым темам современности, однако при этом выводящих к осмыслению глубоких философских проблем человеческого бытия, «весенние отрывки» значительно отличаются по тональности. В них нет неразрешимых ситуаций, трагической безысходности или эмоционального надрыва. Наоборот, произведение о ребёнке наполнено особым лиризмом, оно выражает надежду писателя на новое поколение, которое вырастет гуманным, честным и ответственным.

В отличие от многих других прозаических произведений, в «Филике на даче» Ф. И. Чудаков не использует собственную «визитную карточку» – иронию, где «смешное скрывается под маской серьёзности». Рассказ наполнен мягким юмором, в котором серьёзное прячется «под маской смешного, обычно с преобладанием положительного (“смеющегося”) отношения» (Пинский, 1975). Писатель не преследует цели задеть или ранить, его добродушный смех выражает отеческое отношение к герою. Образ малыша, познающего пока ещё во многом непонятную ему, противоречивую действительность, вызывает светлую улыбку и желание, чтобы никогда в жизни мальчика не случались разочарований и трагических потрясений от несправедливости, лжи или жестокости, которые есть в мире взрослых.

Символично звучит определение в жанровом подзаголовке – *весенние* – как намёк на обновление, возрождение и молодые силы. Ф. И. Чудаков верит в «исцеление» взрослых через заново открытый мир таких непростых человеческих взаимоотношений, через поиск чистоты и света, которые когда-то были в душе каждого. По мнению писателя, человек по своей природе добр, изначально рождается открытым и искренним. «Искажение» происходит позже, когда человек «встраивается» в общественную систему. И возможно, несовершенное устройство этой системы приводит к нравственной деформации человеческой души.

Перспектива проведённого исследования видится в многоаспектном изучении произведений Ф. И. Чудакова других родов и жанров и выявлении их идейно-тематической взаимосвязи. Такой подход актуален при комплексном осмыслении творческого метода автора и его мировоззрения.

Источники | References

1. Гинзбург Л. Я. О литературном герое. Л.: Советский писатель, 1979.
2. Добин Е. С. Сюжет и действительность; Искусство детали. Л.: Советский писатель, 1981.
3. Зеньковский В. В. Психология детства. Екатеринбург: Деловая книга, 1995.
4. Леонтьев А. А. Остранение // Краткая литературная энциклопедия: в 9-ти т. / гл. ред. А. А. Сурков. М.: Советская энциклопедия, 1968. Т. 5.
5. Петровский Н. А. Словарь русских личных имен. М.: Русский язык, 1980.
6. Пинский Л. Е. Юмор // Краткая литературная энциклопедия: в 9-ти т. / гл. ред. А. А. Сурков. М.: Советская энциклопедия, 1975. Т. 8.
7. Попкова Т. Д. Мир детства в современной художественной литературе: экзистенциальный контекст // Мировая литература на перекрестке культур и цивилизаций. 2016. № 3 (15).
8. Роднянская И. Б. Олицетворение // Краткая литературная энциклопедия: в 9-ти т. / гл. ред. А. А. Сурков. М.: Советская энциклопедия, 1968. Т. 5.
9. Урманов А. В. Убитая песня: жизненная и творческая судьба «амурского Саши Чёрного» // Чудаков Ф. И. Избранное: из творческого наследия выдающегося сатирика начала XX века: в 2-х т. / сост., подгот. текста, вступ. ст., коммент. А. В. Урманова. М.: Викмо-М; Русский путь, 2019. Т. 1. Накипь дня.
10. Чернец Л. В. Деталь // Введение в литературоведение: учеб. пособие / Л. В. Чернец, В. Е. Хализев, А. Я. Эсалнек и др.; под ред. Л. В. Чернец. М.: Высшая школа, 2004.
11. Чудаков Ф. И. Избранное: из творческого наследия выдающегося сатирика начала XX века: в 2-х т. / сост., подгот. текста, вступ. ст., коммент. А. В. Урманова. М.: Викмо-М; Русский путь, 2019. Т. 2. Убитая песня.
12. Шкловский В. Б. О теории прозы. М.: Федерация, 1929.
13. Яковлева Е. Л. Воспоминание о невозвратном, или Попытка взрослого осмысления мира детства // Лабиринт. Журнал социально-гуманитарных исследований. 2016. № 6.

Информация об авторах | Author information

Лаптева Наталья Андреевна¹

¹ Благовещенский государственный педагогический университет

Lapteva Natalya Andreyevna¹

¹ Blagoveshchensk State Pedagogical University

¹ rusoved12@gmail.com

Информация о статье | About this article

Дата поступления рукописи (received): 10.01.2022; опубликовано (published): 28.02.2022.

Ключевые слова (keywords): Ф. И. Чудаков; рассказ «Филик на даче»; олицетворение; остранение; миниатюра; F. I. Chudakov; short story "Philik at the Dacha"; personification; defamiliarization; miniature.